

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XIII

Buenos Aires, martes, 21 de marzo de 1961

Буэнос Айрес, вторник 21 марта 1961 года № 582

Г. Месняев

СВЯТАЯ ГОДОВЩИНА

Именно так, как представлял себе Пушкин конец крепостного права, столет тому назад осуществилось освобождение крестьян в России: рабство пало “по манию Царя”. Личные свойства Императора Александра Николаевича, традиции и заветы его царственного рода и само положение российского самодержца, призванного быть первым слугой своего Отечества, — определили то, что решительную и главную роль в крестьянской реформе сыграл сам Император. Как бы ни были одарены и вдохновлены те замечательные русские люди, которые составили блестящую плеяду сподвижников Царя-Освободителя: Вел. Княгиня Елена Павловна, Великий Князь Константин Николаевич, братья Милютины, Ростовцев, граф Ланской, князь Черкасский, Самарин и другие, — не они были творцами и создателями крестьянской свободы. Державная воля доминировала над ними, и только благодаря этой твердо и недвусмысленно выраженной воле, освобождение крестьян, несмотря на упорное сопротивление очень сильных реакционных кругов, было осуществлено решительно и смело. Еще в самом начале подготовительной работы по осуществлению реформы, Государь Император Александр II так формулировал свою, то есть государственную, точку зрения на те начала, которые должны были быть положены в основу реформы: “помещики сохраняют право собственности на всю землю, но помещицы крестьяне приобретают посредством выкупа свою усадьбу оседлостью и такое количество пахотной земли, какое нужно для обеспечения их быта и выполнения их повинностей”.

Это основное положение незыблемо сохранялось во все время подготовки освобождения и оно получило свое полное выражение и в окончательном законе. Император, несмотря на весь, настойчивый и сильный напор и давление на его волю, оказанные самыми разнообразными и влиятельными кругами и лицами, остался непоколебим: его воля не была сломлена.

28 января 1861 года, на заседании Государственного Совета, Государь в обстоятельной речи, с большой энергией и с большим пониманием и знанием дела, изложил перед членами Совета весь ход крестьянского дела, и сказал в заключение: “Взгляды на представленную работу могут быть различны. Поэтому все различные мнения я выслушаю охотно, но я в праве требовать от вас одного: чтобы вы, отложив все личные интересы, действовали не как помещики, а как государственные сановники, облеченные моим доверием”.

В этих словах была заключена не только высокая мысль о превосходстве общих, государственных интересов над

интересами частными и своекорыстными, но были полностью проявлены высокие духовные свойства Государя. Он, этими словами, призывал всех последовать его собственному примеру и подчинить свои естественные влечения, вкусы и симпатии интересам России, то есть сделать то, что сделал он сам.

По своей природе, Император Александр Николаевич был добрым, мягким, сострадательным и благожелательным человеком, и, вместе с этим большим барином, сибаритом, любившим жизнь и умевшим наслаждаться ею в полной мере. Когда он был еще наследником престола, он многим казался черезчур изнеженным, избалованным жизнью, общим восхищением, и, особенно, восхищением женщин.

Многим казалось, что он не в состоянии выносить ничего докучного, неприятного, утомляющего, инстинктивно отстраняясь от всего того, что могло испортить такую приятную жизнь, в какой было так много праздничного, увлекательного и пленяющего. Такое умонастроение казалось многим, и даже самому суровому Императору Николаю Первому, небезопасным и, может быть, даже пагубным для России.

Однако, в оценке личности, характера и воли Государя Александра II, ошиблись очень и очень многие.

На деле оказалось, что хотя его личные вкусы и симпатии во многом совпадали с взглядами, вкусами и симпатиями светских людей, составлявших придворные круги, высшее дворянство, гвардию, он, в отличие от них, отчетливо и ясно понял, что придворная жизнь, балы и приемы, красавицы и балет, военные экзерцисы на Марсовом поле — это одно, а крестьянская неволя и нужда, судебная неправда и многое другое, что омрачало жизнь тогдашней России — это совсем иное. Он понял, что судьба возложила на него небывалую ответственность и долг найти какие-то новые пути, по которым он, как Самодержец Всероссийский, обязан повести Россию.

Несмотря на всю свою мягкость и чужущуюся изнеженность, Император не побоялся своей очень нелегкой, да и просто страшной судьбы. К изумлению и восхищению многих, он смело и решительно встал на путь преобразований, проявляя себя мужественным, мудрым и одаренным реформатором, действовавшим притом с какой-то редкой, чарующей, изящной широтой и смелостью, так полно отвечающими его природной одаренности и его духовному аристократизму. Лишь очень немногие как прежде, так и теперь, поняли полностью и по-настоящему оценили великое значение личности Императора Александра Николаевича в исто-

рии России и весь великий и святой смысл того, что было сделано им для русских людей и для России.

Не только большевики, но и многие “историософы” определенного направления, всячески стараются обесценить и свести на нет великое значение александровских реформ, и, особенно, крестьянской реформы. Много писалось, пишется и будет писаться, особенно в связи с юбилеем крестьянской реформы, — о том, что освобождение крестьян было, де, выгодно помещикам и соответствовало их “классовым интересам”, что, собственно, фактически никакого освобождения не произошло и что крестьянство осталось в такой точно кабале у помещиков, в какой оно было до 19 февраля 1861 года.

Излишне говорить о том, насколько такие утверждения демагогичны, вульгарно-упрощены и клеветнически несправедливы. Для того, чтобы показать их внутреннюю несостоятельность, достаточно сослаться на то впечатление, которое оказала крестьянская реформа на громадное большинство тогдашнего поместного дворянства. Это большинство встретило реформу явным недовольством, ропотом, испугом. Рядовые помещики рассматривали освобождение крестьян, как весьма опасное для целостности государства событие, как коренное разрушение основ государственной жизни и как личное ущемление и разорение. Для характеристики тогдашних настроений дворянского общества, небезынтересно привести слова влиятельного дворянина Стремоухова, сказанные им по поводу непреклонности Государя в крестьянском вопросе: “Ах, мой друг, — сказал он своему собеседнику, — никаких больше надежд нет, Государь красный!”

Такие настроения тогдашнего общества ясно показывают, что освобождение крестьян вовсе не было осуществлено ради “классовых интересов” дворянства. Царь-Освободитель действовал

вовсе не в их интересах, а в интересах всей Русской Земли, спасая ее честь, успокаивая ее совесть и отдавая дань извечной тяге русского народа к правде и справедливости. Такими чувствами и настроениями был проникнут и манифест об освобождении крестьян, заканчивавшийся такими торжественными, душевными и трогательными словами: “Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного”.

Конечно, как и всякое человеческое начинание, крестьянская реформа, осуществленная Императором Александром Вторым, не была свободна от недостатков. Но недостатки эти лежали вовсе не там, где их видели левые круги русского общества, надеявшиеся, что освобождение крестьян приведет к самоупраждению царского строя. Вспомним, что Чернышевский, в связи с состоявшимся крестьянским освобождением, восклицал: “К топору зовите Русь!”

Основной недостаток осуществленной реформы был очень тонко подмечен никем иным, как К. П. Победоносцевым. Он считал, что дело было вовсе не в объеме предоставленных крестьянам личных и имущественных прав, а в том, что государство, дав крестьянам свободу, о них фактически забыло. “...Со времени самого освобождения, — писал К. П. Победоносцев, — правительство как бы забыло о народе, положившись на то, что для народа все сделано дарованием ему свободы. А народ стал нищать и падать”.

Основное зло заключалось в том, что русский крестьянин в течение десятилетий, последовавших после его освобождения от крепостной зависимости, находился в другой зависимости: в плену у крестьянской общины, и часто под властью кулаков-мироедов и продажной сельской администрации. Крестьянин не мог ни продать, ни заложить,

✦ Волею Божьей 11-го марта 1961 года скорпостижно скончалась

НАТАША ГАСТУШКО

урожд. САНДЫРЕВА

о чем с прискорбием сообщают Саня, Оля, Емельян, Адриан.

Артисты хора под/упр. Д. Авраменко выражают глубокое соболезнование родным, преждевременно погибшей,

НАТАШИ ГАСТУШКО

урожд. САНДЫРЕВОЙ

Друзья потрясенные неожиданной смертью дорогой

НАТАШИ ГАСТУШКО

урожд. САНДЫРЕВОЙ

выражают соболезнование семье покойной.

ни передать по наследству свой земельный надел, который не был его собственностью. Даже усадьба, инвентарь и домашнее имущество — не находились в его личной собственности. Они принадлежали крестьянскому «двору» или семье, иногда очень большой. Производство семейных разделов допускалось только с разрешения мирского схода. Одним словом, власть общины тяготела над русским крестьянином, стесняя его хозяйственную инициативу, его обезличивая и ограничивая его личные права. П. А. Столыпин, защищая свое убеждение о необходимости предоставления русскому крестьянству всей суммы гражданских прав, говорил: «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему благ гражданской свободы».

Вопреки сильнейшей оппозиции разных кругов русского общества, по разным соображениям защищавшим общину, другой благородный и великий русский монарх, Император Николай II, завершил святое дело своего деда и дал русскому крестьянину всю полноту гражданской и экономической свободы. Дважды на протяжении полувека, русская монархия красноречиво и убедительно показала свою надклассовую, государственную сущность. Мало того, в лице Императоров Александра II и Николая II, заплативших своей кровью за свою преланность России, она показала, что российские монархи были в русской жизни подлинной ведущей, прогрессивной силой, стоявшей не только над, но и впереди русского общества с его сословными, партийными, корыстными и другими интересами.

Поэтому-то, в дни, когда мы с благодарностью отмечаем столетнюю годовщину крестьянской свободы, мы должны со всей силой подчеркнуть непреложную историческую истину, заключающуюся в том, что Российские Императоры дали русскому народу волю, а их враги, этот самый народ обратили в самое жестокое и бесчеловечное рабство. Стоит ли говорить о том, на чьей стороне всегда была правда?

Г. Месняев

М. М. Спасовский

Голод в Китае

Скандальный провал всей сельскохозяйственной политики Кр. Китая в наши дни выявился во всей своей коммунистической красоте. Никакие ссылки Пекина на засуху, на разливы рек, на землетрясения, на «слабый контроль над коммунарами», на «нерадивость и саботаж местных партийцев» не могут скрыть очевидной гнилости и блуда «земельной реформы в плане марксизма-ленинизма». Жизнь показала вопиющей очевидностью, что эта бредовая реформа в руках китайских коммунистов-максималистов фактически вылилась в разгром всяких жизненных норм.

Здесь, в Австралии, происходит сейчас чрезвычайно показательная картина, наглядно показывающая провал сельскохозяйственной политики Пекина. Во многих портах восточной и южной Австралии в настоящее время десятки пароходов грузят пшеницей и мукой для отправки в Красный Китай. Даже три нефтеналивных танкера, цистерны которых предварительно кое-как наспех вымыли, грузят зерно в насыпь, без всяких мешков.

Если эта погрузка и отправка хлеба в Китай была открытой в сентябре-октябре и даже в ноябре прошлого года, то с декабря и по сей день эта лихорадочная операция приняла «секретный характер» в том смысле, что в печать перестали поступать официальные сведения о том, сколько именно зерна и муки отправляется в Красный Китай. Из Пекина через его местных торговых представителей сделан жесткий нажим на австралийские торгово-промышленные центры ультимативного характера, что если, де, вы будете разглашать данные о наших сделках, то мы прекратим покупку у вас и зерна и муки.

Нажим этот глуп, — он только лишний раз подтверждает катастрофическое положение экономического фронта Красного Китая. Австралия — страна свободная и любой журналист может легко и быстро узнать в портах и число судов, которые грузятся зерном и мукой, и тоннаж этих судов. Это и делается.

Когда пишутся эти строки, в австралийских портах грузятся для Красного Китая 300.000 тонн пшеницы и 40.000 тонн муки.

Такая же история происходит сейчас и в Канаде, где идет подобная же лихорадка по отправке в Красный Китай и зерна и муки.

Мы сейчас не касаемся щекотливого вопроса, — откуда у Пекина набралось столько иностранной валюты, чтобы за наличные и в таком колоссальном количестве срочно скупать хлеб и срочно

Лас Пальмас

Габриель де Армас Медина

Два символа

НАССИМЕНТО КОСТА И ЛУМУМБА

Нам постоянно твердят о сосуществовании, об этом циничном и преступном измышлении коммунизма для укрепления своего владычества, ибо сосуществовать с коммунизмом означает — погибнуть.

Чтобы жить, надо бороться с этим беспощадным уничтожением свободы народов, а сосуществование, отрицающая борьбу, предаёт неповинных людей на истребление и открывает бандитам дорогу в мир слепцов.

Первая жертва — многострадальная Россия; разделенная и терзаемая Германией; покоренные обманом Польша, Румыния и другие страны; раздавленная Советами Венгрия; разоряемая Куба; охваченная судорогами Африка; голодающая и порабощенная Азия...

Жуткий, трагический баланс, над которым, казалось бы, даже глупцы могли бы призадуматься.

Два роковых фактора играют решающую роль в сегодняшней политике: с одной стороны технически усовершенствованное наступление коммунизма, с его преступностью и ложью, с другой — людская глупость, при которой забывается опыт пеежитого и великие уроки истории.

И как символы этих двух течений — две смерти: второй офицер португальского корабля, захваченного бунтарями, Нассименто Коста и вождь восставших негров — Лумумба. Трусливое молчание одних и шумный восторг других — вот итог подлого убийства доблестного офицера, не покинувшего свой

направлять его в китайские порты. Нас интересует другой вопрос, — понимают ли продавцы, что торгуя с коммунистами, они укрепляют их положение, усиливают их натиск на свободный мир и помогают им разрушить, подмять под свои ноги этот мир свободы и порядка?!

Или, может быть, действительно, «капитализм и коммунизм работают рука об руку»...

М. М. Спасовский

К ДРУЗЬЯМ!

Дорогие Друзья!

Несколько дней, проведенных мною в постели, и применение еще одного нового лекарства значительно улучшили мое состояние. Если это лекарство в дальнейшем не изменит своего действия, то, даст Бог, удастся нормализовать работу сердца и тогда мне станет доступным многое совершенно запрещенное сейчас. Это — совсем новое лекарство, обладающее свойствами дигиталиса, который мне необходим, но которого мой организм не принимает.

Вс. Дубровский

пост; тогда как темная смерть темного авантюриста Лумумбы, погибшего от неизвестной руки, вызывает взрыв негодования во всем мире — протесты, демонстрации, погромы — все что создает нужный для красных хаос и смуту. А другая сторона молчит и агитаторы делают свое дело. Недаром сказал Ленин: «Подавляющее большинство человечества состоит из дураков».

Во всем этом, впрочем, нет ничего нового. Еще в 1906 году Васька де Мелла говорил в конгрессе о том, как работают революционеры.

Сперва они скромно просят «терпимости» к их идеям; потом добиваются «равноправия»; достигнув этого, они требуют «привилегий», после «привилегий» не остается ничего другого, как дать им «монополию», а получив монополию, они начинают преследовать.

Это выходит совсем логично, и когда красные из фазы «сосуществования», перешагнут в фазу «владычества», то они естественно свернут нам шею, утверждая с полным основанием, что «они с нами сосуществовать не могут».

Вот почему Коста и Лумумба олицетворяют собой два полюса политического момента. Первый — воплощает не наказанное одними и одобренное другими преступление: порядочность, добросовестность и чувство долга высмеянные торжествующим злом. Второй — представляет кровавый конец преступного демагога, ловко использованный красными для новых преступлений и еще больших бесчинств.

(Перевела И. Астрау)

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

Отлегло... Поднялся на горку и в последний раз посмотрел на печальное место странного нашего жительства. Барак наш торчал каким-то кособоким гробом, с покосившейся заплатанной крышей, с заклеенными бумагой дырами окон, с дневальным, понуро сидевшим у входа в него... Странная вещь — во мне шевельнулось какое-то сожаление... В сущности, неплохо жили мы в этом бараке. И много в нем было совсем хороших, близких мне русских людей. И даже нары мои показались мне уютными. А впереди в лучшем случае — леса, трясинны, ночи под холодным карельским дождем... Нет, для приключений я не устроен...

Стоял жаркий июльский день. Я пошел по сыпучим улицам Медгоры, прошел базар и площадь, тщательно всматриваясь в толпу и выискивая в ней знакомые лица, чтобы обойти их стороной, несколько раз оборачивался, закуривал, рассматривал афиши и местную газетенку, расклеенную на столбах (подписка не принимается за отсутствием бумаги), и все смотрел — нет ли слежки? Нет, слежки не было — на этот счет глаз у меня наметанный. Прошел вохровскую заставу у выхода из поселка — застава меня ни о чем не спросила — и вышел на железную дорогу.

Первые шесть верст нашего маршрута шли по железной дороге: это была одна из многочисленных предосторожностей на всякий случай. Во время наших выпивок в Динамо мы установили, что по полотну железной дороги собаки ищейки не работают вовсе: паровозная топка сжигает все доступные собачьему нюху следы. Не следовало пренебрегать и этим.

Итти было трудно: я был явственно перегружен — на мне было не меньше четырех пудов всякой ноши... Одна за другой проходили версты — вот знакомый поворот, вот мостик через

6

прыгающую по камням речку, вот, наконец, телеграфный столб с цифрой 25/511, откуда в лес сворачивало какое-то подобие тропинки, которая несколько срезала путь к пятому лагунку. Я на всякий случай оглянулся еще раз — никого не было — и нырнул в кусты, на тропинку.

Она извивалась между скал и коряг — я обливался потом под четырехпудовой тяжестью своей ноши, и вот, перед поворотом тропинки, откуда нужно было нырять в окончательную чашу, вижу: навстречу мне шагает патруль из двух оперативников...

Был момент пронизывающего ужаса: значит — подстерегли... И еще более острой обиды: значит — они оказались умнее... Что же теперь?... До оперативников шагов двадцать... Мысли мелькают с сумасшедшей быстротой... Броситься в чашу? А Юра? Ввязаться в драку? Их двое... Почему только двое? Если бы этот патруль был снаряжен специально для меня, оперативников было бы больше — вот отрядили же в вагоне № 13 человек по десяти на каждого из боеспособных членов нашего «кооператива»... А расстояние все сокращается... Нет, нужно итти прямо. Ах, если бы не рюкзак, связывающий движения... Можно было бы: схватить одного и, прикрываясь им, как щитом, броситься на другого и обоих сбить с ног. Там, на земле обе их винтовки были бы ни к чему и мое джиу-джитсу выручило бы меня еще один раз — сколько раз оно меня уже выручало... Нет, нужно итти прямо, да и поздно уже сворачивать — нас отделяет шагов десять...

Сердце колотилось, как сумасшедшее. Но, повидимому, снарядки не было заметно ничего, кроме лица, залитого потом... Один из оперативников поднес руку к козырьку и не без приятности осклабился.

— Жарковато, товарищ Солоневич... Что ж вы не поездом?..

Что это? Издевочка?

— Режим экономии. Деньги за билет — в кармане остаются...

— Да, оно, конечно. Лишняя пятерка — оно, смотришь, и поллитровка набежала. А вы — на пятый?

— На пятый.

Я всматриваюсь в лица этих фельные красноармейские рожи спрячь. Ничего подозрительного раз видали, как мы с Подмоклом всеобщих бдений, наверно, они оперативников, из которой я выкурорт и на спартакиаду, вероятно блате...

— Ну, счастливо... — Оперативники, я проделал нечто вроде патруль проследовал дальше... мер вдали... Я остановился. пресли...

Я положил на землю часть ком к какой-то скале. Вытер пот. Только сердце колотится так, что слышно... Свернул в чашу, в кусты были мыслимы — все равно в дивидать...

До нашего тайника оставалось ужасом слышу какой-то неясный Юра так не во-время распелся, то полз на карачках к небольшому ще огромных, непроходимо разрыны все наши дорожные сокровища Юра. Мелькает что-то бронзовое Юры... Неужели вздумал прин Вертинского. С него станется. Ож я ему несколько теплых слов!..

Но из чаши кустарника раздался пения, показываются Юрины очискорей сюда. Я ползу.

Здесь, в чаще кустарника, тельно ничего нельзя разглядеть

